

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОЛГЕ (ПОЭТИКА РУССКОГО БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОГО ТРАВЕЛОГА КОНЦА XIX ВЕКА)

© Вячеслав Крылов

TRAVELING ALONG THE VOLGA (THE POETICS OF THE RUSSIAN FICTION TRAVELOGUE IN THE LATE NINETEENTH CENTURY)

Vyacheslav Krylov

The article deals with the late stage of populist fiction at the beginning of 1890-s and considers it in terms of in-depth cognition of Russia, the topical issue at the turn of the century. The subject of the direct analysis is the travel essays written by the writer-ethnographer F. D. Nefedov, who is forgotten nowadays. The purpose of this paper is to analyze the poetics of N. D. Nefedov's travel essays. They are explored as an integral element of the late populist literature, a special element of the genre phenomenon "traveling along the Volga". The analysis takes into account the dependence of travelogues on nature. The subject world of the travelogue includes the image of the Volga River and descriptions of the river landscapes. Descriptions of the Volga cities and panoramic views of the river occupy an important place: Nizhny Novgorod, Kazan, Tetyushi, Simbirsk, Stavropol, Zhiguli and Samara. The article describes certain features of the poetics of the populist travelogue (a figure of the narrator, the compositional principle of contrast, a conflict within a single scene, etc.), the original demonstration of the author's position and the synthesis of its genre structure (the synthesis of a social sketch, ethnographic sketch and lyrical prose). The type of the plot construction brings Nefedov's travelogue close to a story. His plot is both locally attached to a particular scene or situation and through-flowing, expressing the attempts of the characters from a privileged class to get closer to the ordinary people, but whether these attempts come true is outside the plot. The poetics of Nefedov's travel essays reflects the author's ideological position and new trends of documentary artistic genres, arising in Russian literature.

Keywords: travelogue, populism, F. D. Nefedov, Russia, narrator-traveler, Volga, compositional contrast.

В статье рассматривается поздний этап народнической беллетристики начала 1890-х годов в аспекте актуальной на рубеже веков проблемы углубленного познания России. Предметом непосредственного анализа становятся путевые очерки забытого ныне писателя-этнографа Ф. Д. Нефедова. Целью статьи является анализ поэтики путевых очерков Н. Д. Нефедова. Путевые очерки и заметки писателя рассмотрены как составной элемент поздней народнической литературы, как элемент особого жанрового образования «путешествие по Волге». В анализе учитывается природная обусловленность травелога. Предметный мир травелога включает в себя образ Волги, описания речного ландшафта. Большое место принадлежит описаниям волжских городов и речной панорамы (Нижний Новгород, Казань, Тетюши, Симбирск, Ставрополь, Жигули, Самара). В статье раскрываются некоторые особенности поэтики народнического травелога (фигура повествователя, композиционный принцип контраста, конфликт в пределах отдельной сцены и т. д.), своеобразие проявления авторской позиции и синтетичность жанровой структуры (синтез социального очерка, этнографического очерка, лирической прозы). По типу построения сюжета травелог Нефедова приближается к рассказу; его сюжет имеет не только локальную привязанность к определенной частной сцене, ситуации, но содержит и сквозное течение, выраженное в попытках героев из привилегированного сословия приблизиться к народу, но их реализация остается за пределами сюжета. В поэтике путевых очерков Нефедова отразились как идеологическая позиция автора, так и зреющие в русской литературе новые тенденции документально-художественных жанров (усиление лиризма, эмоционального отношения).

Ключевые слова: травелог, народничество, Ф. Д. Нефедов, Россия, повествователь-путешественник, Волга, композиционный контраст.

Заметно активизировавшийся в конце XIX века поворот русской литературы к теме углубленного постижения России проявился в том

числе и в активизации разного рода художественно-документальной литературы, относимой к жанру травелога. Редкий «толстый журнал» того

времени не публиковал разного рода путевые очерки, этнографические циклы путевых заметок о жизни и быте разных уголков России, причем самых удаленных и менее всего освоенных в литературе.

Для изучения беллетристического травелога представляет интерес путевая проза ныне почти забытого беллетриста-народника, журналиста, этнографа Филиппа Диомидовича Нефедова (1838–1902). Ф. Д. Нефедов принадлежит к числу тех писателей (хотя и второго ряда), которые наиболее ярко отразили основные стороны народнической прозы.

Особый колорит прозе Нефедова придает то, что всю жизнь он занимался изучением устного народного творчества, участвовал в экспедициях по Волге и в Оренбург, Уфимскую губернию, на Урал, на Кавказ, в Крым, занимался этнографическими и археологическими исследованиями (в 1872 году избирается членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, а в 1887 году был избран членом-корреспондентом Московского археологического общества). Это, в свою очередь, порождало в творчестве особый синтез жизненных впечатлений и научных наблюдений и выводов и придало ему черты непосредственной документальности «факта». Сюжеты, ситуации произведений Нефедов, как правило, черпал из своих поездок по России¹.

Обратимся к поздним очеркам и наброскам Нефедова «Весною», опубликованным в журнале «Наблюдатель» (1894, №№ 1, 2) с авторской дефиницией «очерки и зарисовки». Этот текст нужно рассматривать как составной элемент такого структурно-жанрового образования, как «путешествие по Волге». «Это жанровая дефиниция путевого очерка, описывающего Волгу (часто с верховья до низовых губерний и „Букеевской Орды“), ее природу, города и народы, населяющие „Великую реку“» [Сарбаш, с. 158]. В этом ряду можно назвать такие произведения, как «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» М. Невзорова; «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» А. Н. Островского; «Этнографические наблюдения на пути по Волге и ее притокам» Ф. Д. Нефедова; «Путь по Волге в 1851 г.», «С Ветлуги» А. А. Потехина; «Куль хлеба и его похождения» С. В. Максимова; «Волга. Сказания, картины,

думы» А. А. Коринфского; «Великая река. Картины из жизни и природы на Волге» Вас. Ив. Немировича-Данченко; «По Великой русской реке» А. П. Валуге, «Русский Нил» В. В. Розанова и другие.

Говоря о путешествии по реке, необходимо при анализе травелога учитывать его природную обусловленность, проявляющуюся в социально-бытовой специфике, точке зрения путешественника» [Милюгина, с. 128]. «В самом процессе движения дорога – зрительно – бежит тебе на встречу. Путешествие по воде оставляет у нас совсем иные зрительные впечатления. Плывая по реке, мы плывем вместе с рекой. Вода сама несет нас вниз по течению, и берега (суша) идут к нам навстречу, а мы с водой стремимся вперед. Дорога под нами (и под нас!) не стелется, дорога воды выводит нас» [Там же, с. 135]. В полной мере сказанное относится к водному перемещению вниз по течению, как в рассмотренном нами произведении. Путешествие по реке дарует особое психологическое состояние. О преимуществах водного путешествия (и особенно по Волге) замечательно писал В. В. Розанов в путевом очерке «Русский Нил» (так он называл Волгу):

Мерные удары колес по воде не утомляют вас, потому что это ново. Эти удары – мягкие, влажные. Ими почти наслаждаешься, как простым проявлением движения и жизни после того вечного стука и лязга железа о железо или о камень, от которого никуда нельзя скрыться в Петербурге и в Москве и который истошает и надрывает всяческое терпение [Розанов, с. 193–194].

Пространственно-временные рамки сюжета путевых заметок Нефедова определены, в соответствии с жанром травелога, маршрутом: перед читателем развернуто описание путешествия вниз по Волге – от Нижнего Новгорода до Самары. Все действие происходит на пароходе «Левифан», путешественники не выходят в города, где останавливается пароход, а наблюдают за изменениями с палубы парохода или из окна каюты. Состав попутчиков меняется, кто-то выходит на своей станции, но появляются новые лица. Основное место уделено описанию быта и времяпровождения пассажиров разных классов, а также их разговоров в пути.

По жанровой структуре текст «Весною» синтетичен, заметно взаимопроникновение разных жанровых элементов: социального, этнографического очерка, лирической прозы (особенно заметно активизировавшейся на рубеже веков). В нем, безусловно, проявляются некоторые типологические особенности жанрового образования

¹ Так, впечатления от поездок по Башкирии нашли отражение в путевых рассказах и очерках Нефедова «На восточной окраине», «Опечаленный город», «Русские переселенцы», «Меновой двор», «Башкирская старина».

«путешествие по Волге»: «Русские писатели изображают Волгу и Поволжье как огромное полиэтническое пространство российского мира, населенное разными народами, отмечая специфику русской и „инородческой Волги“. В русском национальном континууме возникает „нерусское“: разнообразные этнические образы-„лица“, этнопсихологические типы» [Сарбаш, с. 159].

Уже в самом начале повествования проявляется лиризм прозы Нефедова. Первый ключевой мотив можно назвать предвосхищением путешествия – это описание того подъема, которое испытывает рассказчик перед поездкой. В путевых очерках Нефедова, как правило, это дано в лирической форме как радостная возможность отойти хоть на время от будней столичной жизни и оказаться в мире природы, свободы, непосредственного ощущения жизни.

Одной из доминантных черт жанра травелога исследователи называют присутствие фигуры повествователя-путешественника.

«Травелог – это я-повествование, предполагающее обязательное наличие рассказчика-путешественника. Возможные типы рассказчика многообразны: от alter ego писателя до недостоверного повествователя – но именно он представляет единственный фокус изображения, единственную точку зрения на описываемое» [Никитина, с. 135]. Н. А. Никитина и Н. А. Тулякова, авторы этого определения, настаивают на том, что «именно это отличает травелог от романно-новеллистических форм, где, помимо точки зрения путешественника, есть точка зрения автора, обладающего большим знанием, и возможен диалог автора и читателя, минуя героя, что невозможно в травелогe» [Там же].

Однако в реальной литературной практике не все так однозначно, как в теоретической модели. В русской литературе рубежа XIX–XX вв. зарождается тип очерка, «больше похожий на новеллу, особенно при отсутствии фигуры рассказчика» [Завельская, с. 400]. Появляются очерковые тексты, в которых присутствие наблюдателя не всегда отчетливо проявляется. Но при явном отсутствии фигуры наблюдателя сохраняется «некий условный локус, при котором реальность описывается как бы с определенной точки зрения», а также «частое использование, например, настоящего времени при описании событий» [Там же, с. 408].

С этих позиций рассмотрим, как выражается авторская позиция в данном травелогe. Тем более здесь нет, как в публицистическом тексте, прямых оценок. Поэтому следует обращать внимание на семантические доминанты текста, его

композицию, пространственно-временную организацию.

Автор в путевых очерках Нефедова не обнаруживает себя как путешественник, непосредственный участник событий, многочисленных бесед пассажиров. Это, если следовать типологии повествователя, с точки зрения его отношения к изображаемой действительности, «повествователь как интерпретирующий и оценивающий наблюдатель, его „наблюдательный пункт“ последовательно перемещается, оказываясь отражением сознания разных персонажей» [Маркевич, с. 195].

Авторская позиция выражается прежде всего через композиционный контраст. Это контраст социальный, контраст здоровья, веселья и печали, болезни, мужского и женского мира. Сам способ изображения пути, находящихся на корабле различных типов пассажиров, их реакций на увиденное по берегам Волги, характер диалогов и пространных монологов приобретает явную социальную злободневность. Сюжет разворачивается параллельно, мы оказываемся то среди пассажиров первого и второго, то третьего класса. Этот прием параллелизма позволяет подчеркнуть, выделить авторскую позицию. Это попытка показать два совершенно разных мира.

Так, контраст народного мира и привилегированного сословия передается через различие тематики их разговоров. В первом классе ведутся разговоры о воспитании, образовании, искусстве, о современном положении дворян. Со всем другие разговоры ведутся среди пассажиров третьего класса. Здесь говорят о погодных приметах, о засушливой весне, о том, что «коли дождей не выпадет, хлебушка ничего не уродится» [Нефедов, № 1, с. 139], а также о том, почему «столько начальства развелось» [Там же, с. 140]. А еще все выслушивают рассказ старика о «„знамениях времени“ перед пришествием антихриста» [Там же] (с народным «сюжетом» связаны в очерке Нефедова многочисленные этнографические элементы).

Разделяя общие почти для всех народников просветительские и моральные ценности Руссо, «веру в добродетель простых людей, его мысль, что причина морального разложения общественных институтов – их изношенность, его острое недоверие ко всем формам умствования, к интеллектуалам, специалистам, всем самоизолировавшимся кружкам и фракциям» [Берлин, с. 305], Нефедов дает описание радостного солнечного утра (вблизи Симбирска), реки и окружающего ландшафта.

Кто не спит в это утро, кто лицом к лицу стоит с природою, – тот почувствует горячую слезу на дрогнувшей реснице; в груди его зазвучат все струны души и согласным хором запоют новую песнь песней [Нефедов, № 2, с. 212].

Но если третий класс уже не спит (там пробуждаются вместе с первыми лучами солнца), то первый класс еще «почивает» до десяти часов, а Казань, например, «проспал».

Нефедов пытается, пусть и в эскизной форме, дать как бы социопсихологический портрет человеческого сообщества в миниатюре, современной жизни вообще. Здесь сразу выделяются свои лидеры, «вожди» (причем как среди первого, так и третьего класса), «одиночки».

Не для всех путешествующих поездка оказывается радостным событием:

Как и всегда бывает весною, на пароходе немало ехало и больных, преимущественно молодых женщин и девушек: заботливые врачи сплавляли их на самарский кумыс... [Нефедов, № 1, с. 123].

Этот контраст здоровья, полноты жизни и болезни особенно заметно выступает на фоне величественной реки.

Предметный мир путевого очерка по Волге непредставим без образа самой реки и подробностей открывающихся окрестностей с движущегося парохода². В современных культурологических исследованиях вода и река рассматриваются как древнейшие архетипы, повлиявшие на становление национальных картин мира, а Волга выступает как «культурообразующая категория русской ментальности». В начале очерка «Русский Нил» В. В. Розанов вспоминал веками сформировавшиеся народные представления о Волге:

«Мы рождаемся и умираем, как мухи, а она, матушка, все стоит (течет)», – так определил смертный и кратковременный человек свое отношение к ней, как к чему-то вечному и бессмертному, как к вечно сущему и живому, тельному условию своего бытия и своей работы. «Мы – дети ее; кормимся ею. Она – наша матушка и кормилица». Что-то неизмеримое, вечное, питающее... [Розанов, с. 192–193].

В путевой очерк Нефедова включаются описание волжского речного ландшафта, данные сквозь призму народно-поэтических представлений и авторского лирического отношения. Для очерка рубежа веков характерно, что «описательные элементы порой утрачивают функцию

аргумента, превращаясь в подобие лирических отступлений», что придает очерковой прозе «дополнительный эссеистско-импрессионистический характер» [Завельская, с. 405–406]. Разумеется, подобные особенности в полной мере проявились у больших мастеров прозы (В. Вересаева, В. Короленко, И. Шмелева и других), но они заметны и в анализируемом произведении. Особенно ярко эти черты обнаруживаются при описании волжских городов и речной панорамы. Художественными средствами Нефедов стремится передать особенности поволжских городов, каждый из которых совершенно неповторим. Перед читателем последовательно открываются с движущегося корабля поволжские города и прибрежные поселки: Нижний Новгород, Васильсурск, Казань, Тетюши, Симбирск, Ставрополь, Жигули, Самара.

Именно в изображении картин Волги и волжских окрестностей усиливается авторская роль, рассказчик дает в полной мере волю попутным впечатлениям и ощущениям.

Река, как известно, с древнейших времен выступает и как порождающее начало, основа жизни, но в ней есть и танатологическое проявление, она может уничтожить, погрузить в себя. Волга, какой она предстает со страниц очерков Нефедова, тесно связана с фольклором, с героями многих легенд, народных поверий и песен, которые звучат с нижней палубы (в легенде о Девьей горе красавица, отвергнутая любимым, с горы бросилась в Волгу-матушку; о человеке, который в Жигулевских горах встретил богатыря Степана Разина). В фольклоре типичными мотивами, которые разворачиваются на фоне Волги, являются «неразделенная или трагичная любовь, тема дороги, вольницы, удали, подвига и т. д.» [Куснидинова, с. 13].

По-видимому, для автора народные вставные рассказы были не только способом характеристики героев из народа, но имели и специальный этнографический интерес. Как это нередко проявляется у Нефедова, лирика вытекает из фольклора, фольклорно-поэтической основы его произведений. Так и здесь: песни с нижней палубы органично перетекают в авторское повествование с элементами сказовой формы:

В залах и каютах первых двух классов никого не оставалось, кроме большого пассажира в одной из отдельных кают: все высыпали на балкон. Гора-великан неслась навстречу с невероятной быстротой. Вдруг с нижней палубы, где помещается машина, грянули сильные голоса:

Мы взойдемте, братцы,
На высокие горы;
Поглядимте, братцы,

² Жизни у реки (Камы) посвящена повесть Нефедова «Тайна реки» (1894).

Вниз по матушке по Волге. <...>

На одном из стружочков, – пела далее песня, – «весела была беседа»: тут сидел сам атаманушка, по прозванию Стенька Разин. Гора-мыс, почти отвесно поднимавшаяся над водой, была уже в двух сажнях... [Нефедов, № 2, с. 226–227].

Когда появляются Жигулевские горы, всех пассажиров, независимо от «класса», охватывает особое воодушевление. И, как подчеркивает повествователь, даже лица сделались «лучше и добрее». Перед возвышенной красотой все на какое-то мгновение забывают и о социальных распрях, тяготах жизни, о болезнях:

Больные девушки сидели с просветленными лицами: природа своими красами благодетельно воздействовала и на них, наполнила сердца их жизнью и счастьем забвения [Нефедов, № 2, с. 227–228].

На рубеже XIX – начала XX века признается «онтологическая значимость эмоциональной сферы, ее интуитивной стороны, свободного полета впечатлений как особого пути познания» [Завельская, с. 410]. Поэтому авторская позиция усиливается именно в таких «местах» текста, где сильнее всего передано эмоциональное мироощущение, рождаемое созерцанием неба, отраженных звезд в реке и наступившего ночного покоя. В них отношение автора к миру дано с позиций человека верующего:

По небу раскинулись звезды; в полусумраке и Волга, и все побережье; на западе алеет золотистая заря. Ночь тихая, теплая, с какою-то нежною ласковостью обняла реку, берега и окрестность. Царственная тишина и непробудный покой! Даже глухой, тяжелый грохот и вздрагивание массивного парохода не нарушают ни этой тишины, ни этого покоя майской ночи, благоухающей травами и цветами лугов. Смотришь на распростершееся вокруг дивное небо, на отчетливо вырисовывающиеся в золотисто-алом сиянии зари листья деревьев, на безмятежные, с отраженными звездами, воды могучей реки; жадно впиваешь полной грудью ароматный воздух, и на душе все так ясно и спокойно, здоровая бодрость наполняет все существо, погибшие мечты и надежды на обманувшее счастье воскресают, и с тихой грустью думаешь, зачем эта непрерывная битва жизни? Зачем неправда и зло, тревоги, лишения и страдания, уныние и отчаяние? Разве мало простора, разве тесно людям под беспредельным небесным сводом? И разве иссякли дары природы? Взгляните, прислушайтесь, – все зовет к братскому единению, радостным песням мира и человеческой любви... [Нефедов, № 1, с. 157–158].

Таким образом, путевые очерки Ф. Д. Нефедова несут в себе черты народнической идеологии, проявляющиеся в социальной заостренности,

в авторской оценочности персонажей и ситуаций, в контрастности различных «классов» пассажиров (различия тематики диалогов, реакций на окружающий ландшафт и т. д.). Однако мы не сводим содержание очерка только к выражению народнических представлений, а видим в нем попытку дать как бы социопсихологический портрет человеческого сообщества в миниатюре, современной жизни вообще, что несколько нейтрализует его народническую направленность. Вплетение образа Волги в повествование обогащает жанровую структуру, придает тексту сильно выраженное лирическое начало. Этнографические и фольклорные элементы выполняют в тексте двоякую функцию. Они служат средством раскрытия богатой духовной памяти народа, а также имеют для автора-этнографа самостоятельную ценность. Сюжетно они обусловлены маршрутом путешествия и возникающими по ходу фольклорно-поэтическими «воспоминаниями», своего рода «рассказами в рассказе». Травелог имеет синтетическую жанровую структуру, объединяя черты социального, нравоописательного, этнографического очерка и лирической прозы.

Разумеется, путевые очерки Нефедова остаются текстом, принадлежащим к беллетристике, но это не умаляет их познавательной ценности и значения в литературном процессе рубежа XIX–XX вв. Как мы полагаем, этот же статус (подготовительная функция беллетристики) позволяет увидеть в поздненародническом очерке те тенденции, которые в полной мере проявятся в русской литературе начала XX века, в том числе и у больших мастеров жанра травелога.

Список литературы

- Берлин И.* История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 544 с.
- Завельская Д. А.* Очерк // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 397–436.
- Кусмидинова М. Х.* Концепт Волги в историко-культурном развитии России: философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Астрахань, 2010. 20 с.
- Маркевич Генрик.* Основные проблемы науки о литературе. Пер. с польск. М.: Прогресс, 1980. 375 с.
- Милюгина Е. Г., Строганов М. В.* Путешествие и его природная обусловленность // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 128–141.
- Нефедов Ф. Д.* Весною. Очерки и наброски // Наблюдатель. 1894. № 1. С. 119–168.
- Нефедов Ф. Д.* Весною. Очерки и наброски // Наблюдатель. 1894. № 2. С. 210–254.

Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель / Под редакцией: И. Щемелева. Вып. 5. СПб.: Астерион, 2013. С. 132–138.

Розанов В. В. Русский Нил // Новый мир. 1989. С. 188–231.

Сарбаш Л. Н. «Путешествие по Волге» в русской литературе XIX века: «Куль хлеба и его похождения» С. В. Максимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (16). С. 158–160.

References

Berlin, I. (2014). *Istoriia svobody. Rossiia*. [The History of Freedom. Russia]. 544 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Kusmidinova, M. Kh. (2010). *Kontsept Volgi v istoriko-kul'turnom razviti Rossii: filosofskii analiz: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk*. [The Concept of the Volga River in the Historical and Cultural Development of Russia: The Philosophical Analysis: Ph.D. Thesis Abstract]. 20 p. Astrakhan. (In Russian)

Markevich, Genrik. (1980). *Osnovnye problemy nauki o literature*. Per. s pol'sk [The Main Issues of Literary Science]. 375 p. Moscow, Progress. (In Russian)

Milyugina, E. G., Stroganov, M. V. (2015). *Puteshestvie i ego prirodnaia obuslovlennost'* [Travels and Their Dependence on Nature]. *Russkii travelog XVIII-XX vekov*. Russian Travelogue from the 18th to 20th Centuries. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, pp. 128 – 141. (In Russian)

Nefedov, F. D. (1894). *Vesnoyu. Ocherki i nabroski* [In Spring. Essays and Sketches]. *Nabliudatel' Observer*. 1894, No. 2, pp.210–254. (In Russian)

Nefedov, F. D. (1894). *Vesnoyu. Ocherki i nabroski* [In Spring. Essays and Sketches]. *Nabliudatel' Observer*. 1894, No. 1, pp.119–168. (In Russian)

Nikitina, N. A., Tulyakova N. A. (2013). *Zhanr traveloga: kognitivnaya model'*. Pod redaktsiei: I. Shchemeleva. [The Genre of Travelogue: A Cognitive Model]. Vyp. 5. St. Petersburg, Asterion. Pp. 132–138. (In Russian)

Rozanov, V. V. (1989). *Russkii Nil* [The Russian Nile]. *Novyi mir*, 1989, pp. 188–231. (In Russian)

Sarbash, L. N. (2012). «*Puteshestvie po Volge*» v *russkoy literature XIX veka: «Kul' khleba i ego pokhozheniya» S. V. Maksimova* ["Travelling along the Volga" in Russian Literature of the 19th Century: "A Hunch of Bread and Its Adventures," S. V. Maximova]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Philology. Theory and practice. Tambov, Gramota, 2012, No. 5 (16), pp. 158–160. (In Russian)

Zavel'skaya, D.A. (2009). *Ocherk* [Essay]. *Poetika russkoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza*. The Poetics of Russian Literature of the Late 19th -Early 20th Century. The Dynamics of the Genre. Common Problems. Prose. Moscow, IMLI RAN, pp. 397–436. (In Russian)

The article was submitted on 28.01.2016
Поступила в редакцию 28.01.2016

Крылов Вячеслав Николаевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
krylov77@list.ru

Krylov Vyacheslav Nikolaevich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
krylov77@list.ru